

УДК 800+811.35

ББК 80г(235.7)

А 20

В.Ш. Авидзба

Особенности кавказского просветительства

ХІХ-ХХ вв.

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье в сопоставительном плане рассматривается история кавказского просветительства ХІХ-ХХ вв., которое, по мнению автора, при всех специфических особенностях каждой национальной версии имело и общие генетические, и типологические черты. Утверждается, что в ранних учебных книгах для детей содержатся литературные произведения, которые и стали первой ступенью в истории возникновения и формирования национальных литератур.

Ключевые слова:

Просвещение, просветительство, культурное взаимовлияние, распространение знаний, создание письменности, детская литература.

В научной литературе встречаются два термина – «Просвещение» и «Просветительство», которым придается синонимический характер употребления. Согласно авторитетным энциклопедическим изданиям [1: 540; 42; 307; 823], термин «Просвещение» использовался в европейских языках – немецком, английском, французском, испанском и др. Он обозначал идейно-философское и культурное движения в странах Запада с конца ХVІІ до начала ХІХ в. Утвердился же данный термин и окончательно вошел в научный оборот после публикации известной статьи И.Канта «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» [2: 33].

В русском языке оба слова происходят от одного корня – «свет» и терминологически обозначают интеллектуальное движение, имевшее место в истории разных стран и народов, в котором отчетливо просматривается повышенный интерес к образованию, воспитанию и их распространению среди широких масс. Все просветительские учения и идеи, как отмечал Н.А. Айзенштейн, типологически в основном сходны «прежде всего своей особой концепцией исторического прогресса» [3: 11].

Поскольку данное явление носит практически общемировой цивилизаторский характер, оно даже при самых общих исходных принципах представляет собой довольно пеструю картину, вытекающую из различия национальной жизни: в воззрениях, в подходах, в стоящих перед каждым народом исторических задачах и, в конечном счете, в результатах, не говоря уже о том, что оно в разных частях света протекало хронологически в разные эпохи.

Как известно, Просвещение не является только литературным явлением. Оно как философское, культурное и литературное явление возникло в странах Западной Европы. Его центр перемещался из одной страны в другую, охватывая большие пространства и вовлекая в процесс преодоления традиционного средневекового мировоззрения все новые и новые народы. Затем просветительские идеи получили широкое распространение по всему миру, проявляя себя в различных странах с неидентичным культурно-историческим опытом и укладом. Данный процесс не носил синхронного характера и протекал разновремененно. Как пишет по этому поводу Д.С.Комиссаров: «Просветительское движение на Востоке в целом, ... не только отличается от Просвещения на Западе, которое, как известно, также не было однородным, но в разных регионах имеет свои специфические черты. В одних странах просветительство развивалось интенсивно, в других этот процесс в силу особых обстоятельств оказался замедленным; в одних странах

просветительские реформы привели к более глубоким преобразованиям, в других они внесли лишь незначительные изменения в структуру общества и литературу. Но типологическое единство несомненно» [4: 5-6].

Когда И.Кант отвечал на поставленный вопрос, то он в сущности Просвещения видел не просто распространение знаний, а гораздо большее – развитие человеческого разума вообще и большую степень гражданской свободы. В этой связи он утверждает: «Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный* век, то ответ будет: нет, но мы живем в век *просвещения*. Еще много недостает для того, чтобы люди, при сложившихся в настоящее время обстоятельствах, в целом были уже в состоянии или могли оказаться в состоянии надежно и хорошо пользоваться собственным рассудком в делах религии без руководства со стороны какого-то другого. Но имеются явные признаки того, что им теперь открыта дорога для совершенствования в этом, препятствий же на пути к просвещению или выходу из состояния несовершеннолетия, в котором люди находятся по собственной вине, становится все меньше и меньше» [2: 33].

Несомненно, что когда мы говорим о кавказском Просветительстве, мы имеем несколько иное состояние, чем то, о чем здесь говорит философ. В свое время академик Н.И.Конрад для более точной и верной идентификации совокупности просветительских проявлений и повлекших за ними результатов предложил различать два явления и соответствующие им термины – «просвещение» и «просветительство» [см. об этом Айзенштейн, с.11]. К первому он относил классическое европейское Просвещение, а ко второму – весь арсенал просветительских проявлений и культурные процессы, вызванные, прежде всего, национально-освободительным движением, реформами восточных стран и народов.

Кавказское просветительство по своему характеру больше подходит ко второму типу, хотя и оно внутри себя обладает целым рядом специфических особенностей. Европейское Просвещение и Просветительство у народов, вовлеченных в российское цивилизационное поле, наряду со сходствами концептуального характера, имеют существенные различия. В свою очередь, и на Кавказе у одних народов (армян, грузин, азербайджанцев и в определенной степени у народов Дагестана) имелся богатый опыт письменно-литературной традиции, тогда как другим предстояло пройти этот путь, осуществить прорыв, предварительно создав письменность на родных языках. В этой работе речь будет идти о просветительстве в литературах, получивших название – младописьменных.

Европейское Просвещение базировалось на богатых историко-культурных традициях и выдвигало на передний план «идеи демократии, общественного прогресса, равенства, труда на благо общества, свободного развития личности» [5: 307]. То есть, оно начинало свой новый путь не с нулевой отметки, а являлось продолжением уже имевшегося идейного наследия, хотя зачастую отношение к ней было нигилистическим. Но тем самым, оно претворяло очередной этап духовного развития в общечеловеческом прогрессе. Европейское Просвещение предложило и во многом осуществило реформу общественных взаимоотношений, включая и весь комплекс отношений к окружающему миру, природе, обществу, религии, личности.

Для многих кавказских народов стартовой площадкой Просветительства стало создание письменности и алфавитов, издание букварей, различных книг для чтения и хрестоматий, открытия школ. Имевшаяся в культурном арсенале богатая народная литература не могла на этом начальном этапе Просветительства априори воздействовать на решение поставленных задач, хотя бы потому, что в этой сфере действовали лишь только одиночки. Благотворное влияние фольклора становится возможным после прохождения «ученического» этапа, вслед за распространением письменности и грамоты среди населения.

Просветительство у народов Северо-Кавказского региона и Абхазии характеризуется следующими особенностями: во-первых, – это создание письменности и сети учебных

заведений (школ, училищ) для обучения на родных языках, издание учебно-педагогической литературы (букварей, учебников, хрестоматий); во-вторых, – изучение истории, культуры, этнографии и создание собственно художественных произведений. Таким образом, исследования просветительских проблем XIX в. позволяют нам говорить о новом качестве культурного взаимовлияния России и кавказских народов. С самого начала этого культурного взаимообмена в нем принимали участие не только деятели русской культуры, но и представители коренных народов, как правило, в большинстве своем получившие образование в российской образовательной среде. Главным же итогом этого взаимовлияния стало, как отмечал Р.Ф.Юсуфов, то, что оно позволило «вывести общественное сознание этносов на уровень современного научного знания» [6: 368].

Нельзя сказать, что кавказское просветительство является малоизученной темой. Имеется целый ряд разысканий, специально посвященных данной кавказоведческой отрасли. В особенности это касается адыгского Просветительства, которое исследовано в работах А.Х.Хакуашева, Р.Х.Хашхожевой, К.М.Шикова, Ш.Х.Хута, З.М.Налоева и др. Проблемы регионального и национального просветительства в различных аспектах освещены в трудах Г.Г.Гамзатова, Н.Г.Джусойты, Г.А. Дзидзария, Х.С.Бгажба, Ш.Х. Салакая, В.Б.Тугова, А.И.Караевой и др.

Однако, на наш взгляд, в этом вопросе еще рано ставить точку, ибо остаются еще немало вопросов, которые ждут своего ответа. В первую очередь, это относится к материалам, которые за весь советский период так и не были опубликованы, а тем более не изучены по идеологическим соображениям. Как известно, господствовавшая тогда коммунистическая идеология в силу своего воинствующего атеистического подхода замалчивала письменные памятники и материалы, в которых была отражена религиозная тематика. С другой стороны, остаются невыясненными вопросы, связанные с общими закономерностями просветительства как явления; не исследованы до конца вопросы генетических и типологических связей между национальными версиями просветительства.

Анализируя характер адыгского просветительства, А.Х.Хакуашев заключает следующее: «Развитие просветительского движения адыгского народа в первой половине XIX в. шло по двум направлениям. Деятели первого направления (Ш. Ногмов, Н. Шеретлук и У. Берсей) свою просветительскую деятельность строили на основе родного языка. Своей главной задачей они считали создание национальной письменности, организацию школьного дела, широкое просвещение народных масс, научную разработку актуальных проблем языка, истории и фольклора, переводы художественных произведений других народов на родной язык, развитие культуры и литературы своего народа...

Второе направление, представленное деятельностью С. Казы-Гирея, Хан-Гирея и С.Адиль-Гирея, развивалось на инонациональной основе, главным образом на русском языке...» [7: 256–257].

Уместно заметить, что данный вывод является очень точным и во многих отношениях соответствует картине других национальных разновидностей просветительства. Мы разделяем точку зрения М.Ш. Кунижева об «общеадыгском просветительском движении» [8: 18], но с определенными оговорками. Конечно же, этническое родство, языковое единство позволяло людям, владевшим грамотой, без труда читать и понимать содержание книг, независимо от того, кем являлся автор книги – адыгейцем, кабардинцем или черкесом. В то же время, необходимо заметить, что у адыгских народов литературы на родных языках зародились не одновременно, а на разных исторических этапах. Так, несмотря на то, что первые опыты адыгейской литературы приходятся на середину XIX в. («Букварь черкесского языка», изданный в 1853 г. в Тифлисе Умаром Берсеем), реальное развитие она получает лишь после 1917 г. Литература на черкесском языке также зарождается в 20-х годах прошлого столетия и

связана она с созданием новой письменности, выходом в свет первых букварей, учебников и хрестоматий и началом издания газеты «Черкесская жизнь» [9: 324].

Несколько иную картину мы наблюдаем в отношении зарождения кабардинской литературы. Если в Адыгее и Черкесии предпринятые попытки по созданию письменности, изданию букварей не привели в силу различных причин к зарождению литературы, то иную картину мы наблюдаем в отношении Кабарды. Здесь указанные выше два направления просветительства удалось объединить в единое целое. Изданные К.Атажукиным в 1865 году «Кабардинская азбука», а затем и книги для чтения [10: 10] получили довольно широкое по тем временам распространение и, более того, дали новый импульс просветительству, позже получившему название баксанского культурного движения. «Созданные баксанскими просветителями учебники содержат передовые для своего времени идеи, – пишет Ю.М.Тхагазитов, – утверждают гуманизм, идеи патриотизма и общечеловеческого братства (общность адыгов с греками, хеттами и др.), т.е. людьми разных национальностей и разных вероисповеданий, разновременных цивилизаций, общность нравственных максим, отличающихся их общечеловеческой направленностью» [11: 114].

Для наглядности продолжим обзор просветительского материала у других кавказских народов. Практически схожую картину мы видим и в отношении абазинской литературы, которая также зародилась в 20-30-х годах XX в. Причем, первые абазинские писатели «начинали писать на черкесском языке, а с введением абазинской письменности обратились к родному языку» [12: 4].

Один из ее исследователей, В.Б.Тугов, говоря о первых шагах абазинской литературы, пишет: «Молодая литература зарождалась не только на страницах газеты, но и в первых букварях и учебниках. Первые автодидакты, безусловно, опирались на опыт русских авторов, но соотносили материал с бытом и жизнью своего народа, с особенностями природы, с национальным характером мышления детей. А в этом у них не было предшественников, как и не было литературных традиций. Создатели букварей, учебников и учебных пособий, строя книги на местном материале, накапливали известный литературный опыт: им приходилось прибегать к собственному творчеству и обрабатывать фольклор. Буквари и учебники Т.Табулова почти целиком исходили из местного материала, были доступны и понятны детям...» [13: 73–74].

При анализе культурной предыстории осетинской литературы Н.Г. Джусойты выделяет наиважнейшие факторы, способствовавшие возникновению национальной литературы. Таковыми он определяет: «распространение христианства в Осетии, создание школ для подготовки национальных кадров христианского богослужения, создание церковной переводной литературы на осетинском языке и, наконец, привлечение представителей осетинской феодальной знати на службу в русской армии. Второй ряд факторов, – продолжает он, – это распространение школьного образования (отчасти на родном языке), научный интерес к истории, языку, этнографии и фольклору осетинского народа» [14: 27–28].

В истории абхазского просветительства мы наблюдаем во многом сходные явления, хотя оно имеет и некоторые отличительные особенности. В 1865 г. выходит первая «Абхазская азбука», подготовленная комиссией под руководством лингвиста и генерала И.А. Бартоломея, которая содержит и первые собственно литературные опыты. В 1892 г. К.Мачавариани и Д.Гулиа выпускают в свет «Абхазскую азбуку. Молитвы. 10 заповедей и Присяжный лист», в 1906г. Ф.Эшба издает «Абхазскую азбуку и статьи для чтения и письменных работ», в 1908г. печатается «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ», составленная А.Чукбаром и Н.Патейпой, которая затем переиздается в 1911г., А.Чочуа в 1909 г. издает свою новую «Абхазскую азбуку», которая в доработанном виде переиздается в 1914г. Данный перечень можно продолжить и дополнить и другими книгами, изданными не только на абхазском, но и на русском языке.

Как видно из приведенных примеров, каждая из национальных литератур имеет свою хронологическую последовательность. Одни литературы возникают уже в XIX веке, другие позже – в 20-30-х годах XX в. При этом следует заметить, что между выходом первой книги и возникновением литературы на том или ином национальном языке, пролегают различные отрезки времени. В одних случаях они не столь значительны, в других же – этот срок охватывает вековой промежуток.

Из обзора начального этапа «новописьменных» кавказских литератур можно сделать следующие выводы: несмотря на некоторые отличительные, специфические в каждом отдельном случае условия и особенности в указанных регионах – Абхазии, Адыгее, Кабарде, Осетии, Черкесии, – явственно выступают набирающие силы идеи просвещения. Для реализации задач, которые ставило просвещение, создаются письменность на национальных языках, азбуки, книги для чтения, переводы религиозных книг, пишутся грамматики этих языков, появляются художественные переводы (в основном для детей), записываются фольклорные произведения, появляются первые оригинальные произведения художественной литературы, также преимущественно для детей.

Теперь остановимся на материале, который публиковался в различных книгах – азбуках, хрестоматиях и пособиях для чтения. Как и подобает аналогичным изданиям, в них наряду с собственно азбучным материалом, печатались дидактические тексты, предназначенные для обучения и воспитания детей. Среди них мы находим достаточное количество произведений басенного жанра. Такие примеры мы встречаем в абхазской просветительской литературе, в адыгской, в осетинской, абазинской, карачаевской и т.д. Приведем несколько примеров. По наблюдению Ш.Хута в «Букваре черкесского языка» У.Берсея опубликовано «12 басен на адыгейском языке, написанные им, а также арабские варианты 8 басен в переложении на адыгейский язык...» [15: 163].

Такие же примеры имеют место в осетинской литературе. Как отмечает Н.Г.Джусойты, в книгу основоположника осетинской литературы К.Хетагурова «Осетинская лира» («Ирон фандыр», 1899) вошли три басни Крылова – «Гуси», «Волк и журавль», «Ворона и лисица», — представляющие «вольные переложения одноименных басен Крылова» [14: 277].

Примеры переводов басен И.Крылова мы встречаем и в зарождавшейся карачаевской литературе [16: 54].

Содержательные качества басни, отмеченные еще В. Белинским, – «житейская и обиходная мудрость, уроки повседневного опыта в сфере семейного и общественного быта» – как нельзя лучше подходят образовательному процессу [17: 395]. И потому они неизменно являются обязательной составной частью школьных учебников.

Из сказанного вытекает, что младописьменные литературы свои первые шаги делали именно в связи с процессом просвещения и первые литературные произведения появлялись в книгах, предназначенных для обучения. В этой связи вряд ли можно согласиться с довольно распространенным мнением, согласно которому детская литература воспринимается как второстепенное явление в общелитературном процессе, и, что еще хуже, когда некоторые исследователи и критики отказывают ей в праве на искусство слова, ссылаясь «на ее невысокий, по их мнению, художественный уровень» [18: 17].

Стало быть, детскую литературу в новых литературах необходимо рассматривать в качестве начального этапа их становления. Она стала тем основанием, на котором сумела сформироваться та или иная национальная литература, ибо, как правило, первые детские книги – это «сочинения учебного моралистического содержания: азбуки, буквари, энциклопедии, правила поведения в обществе и т.п.» [19: 91].

Следовательно, некоторая недооценка памятников детской литературы вообще и в особенности для младописьменных литератур может привести к неверному пониманию их историй, этапов и тенденций развития.

Для подтверждения данного вывода приведем известную мысль В.Г. Белинского, который, рассуждая о закономерностях осуществления того или иного национально значимого явления, писал: «Осуществление идеи в факте имеет свои непреложные законы, из которых главнейший – *последовательность* и *постепенность*. Ничто не является вдруг, ничто не рождается готовым; но все, имеющее идею своим исходным пунктом, развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве... Тот же закон существует и для искусства. У искусства есть свой вечный, – продолжает Белинский, – неизменный идеал совершенства, составляющий предмет эстетики, как науки изящного; но искусство не вдруг, а постепенно достигает своего идеала, – и история искусства есть картина моментов его развития» [20: 7–8].

Примечания:

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 6. М., 1971.
2. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
3. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. М., 1966. 743 с.
4. Айзенштейн Н.А. К вопросу о просветительстве в Турции // Просветительство в литературах Востока. М., 1973.
5. Комиссаров Д.С. От составителя // Просветительство в литературах Востока. М., 1973.
6. Володин А.И. Просвещение // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
7. Юсуфов Р.Ф. История литературы в культурфилософском освещении. М., 2005. 435 с.
8. Хакушав А.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978. 259 с.
9. Кунижев М.Ш. Адыгейская литература // Литература народов России. XX век. Словарь. М., 2005.
10. Темирова Р.Х. Черкесская литература // Литература народов России. XX век. Словарь. М., 2005.
11. Хашхожева Р.Х. Поиски и находки. Избранные статьи. Нальчик, 2000. 415 с.
12. Тхагазитов Ю.М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик, 1994. 248 с.
13. Бигуаа В.А. Абазинская литература // Литература народов России. XX век. Словарь. М., 2005.
14. Тугов В.Б. Очерки истории абазинской литературы. Черкесск, 1970. 276 с.
15. Джусойты Н.Г. История осетинской литературы: В 2 т. Т. 1. Тбилиси, 1980. 322с.
16. Хут Ш.Х. Первые шаги письменной адыгейской литературы на языках других народов // История адыгейской литературы: В 3 т. Т. 1. Майкоп, 1999.
17. Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966. 320 с.
18. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. М., 1978. 614 с.
19. Арзамасцева И., Николаева С. Детская литература. М., 2005. 576 с.
20. Мотяшов И.П. Детская литература // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
21. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. М., 1981. 678 с.